

АСЯ ИСАЙ

Влюбиться
В МАЙ

Ася Исай

Влюбиться в Май

«Автор»

2026

Исай А.

Влюбиться в Май / А. Исай — «Автор», 2026

Майя не просто талантливый дизайнер. Она — один из двенадцати Месяцев, и каждое платье, каждый наряд связан с ней невидимой нитью. Но что произойдет, когда эта связь станет проклятием...# ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ: Эта история изменит ваше представление о справедливости!*Для тех, кто верит в чудеса в самые темные времена

© Исай А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

1. Май	5
2. Медведь	8
3. Похмелье	10
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Ася Исай

Влюбиться в Май

1. Май

— Вот зря вы затеялись в мае жениться. Ничего доброго не выйдет, — бабуля невесты не перестает напутствовать, потягивая сладкое шампанское. — Особенно когда жених этот охламон.

Аврора не выдерживает и досадно вздыхая, разворачивается в моих руках, чуть не напоровшись на булавку.

Вижу, как в ней закипает возмущение вместе со штормом в глазах. Он хочет вырваться на волю слезами, но его вытесняет желание, чтобы этот день был идеальным.

Перехватываю инициативу.

— Антонина Петровна, чем же вам не угодил май? — спрашиваю, подмигивая невесте.

Аврора краснеет, но улыбается. Шепчет спасибо одними губами и снова поворачивается к зеркалу, чтобы я могла продолжить упаковывать ее в свадебное платье.

— Как чем? Маяться будет всю жизнь! — отрезает бабуля, дотягиваясь до следующего бокала. Она довольно жмурится, потягивая игристое, будто оно это лучшее, что есть в сегодняшнем дне.

— Вот мы с Никанором Ивановичем обжинились в ноябре. Ох и мороз тогда был трескучий. Я бежала в туфлях на тонкой подошве по снегу. Болела потом еще месяц, зато была самая счастливая! — рассказывает с мечтательным видом, а потом неожиданно гаснет. — Все равно по бабам таскался, кобелина.

— Чем же плох мой брат? Любомир безумно влюблен вашу внучку.

— Все они сначала влюблены... — залпом опрокидывает в себя бокал.

— Ну ба! — срывается Аврора.

Ради Авроры Любомир пожертвовал буквально всем. Уж не знаю как, но отказался от своей должности. Он больше не апрель.

Судьба та еще затейница и в наказание оставила ему память обо всей его долгой жизни. И о нас. А еще дом месяцев, так что хранителем в каком-то смысле ему все равно придется быть.

Несмотря на все обстоятельства, Любомир рассказал правду о себе Авроре. Мне повезло быть наглядным пособием его прошлого. И таких восторженных глаз, как у этой светлой девочки, при виде расцветающего в моих руках пиона, я не видела никогда.

— Девка токма из больницы! Зеленая еще вся. А он ее за шкирняк и в ЗАГС! — бабуля отмахивается, прячась за хрустальным бокалом, а я расправляю фату и отхожу.

— Посмотрите только, какая красавица у вас выросла.

Аврора светится счастьем. Мягкое кружево обняло плечи, вышитые узоры расцвели на ткани и засияли блеском кристаллов. У меня получилось не просто платье. Оно стало обещанием любви.

— Вы готовы тут? — Настя заглядывает в комнату, чтобы отдать букет невесте, но так и замирает на пороге. — Ох, Майя, ты превзошла сама себя. Она как из сказки

Отмахиваюсь, но у самой при виде Авроры пощипывает переносицу от подступающих слез. Она словно спустилась со страниц старинной легенды. Она плывет, как эльфийская принцесса.

Это все она. Ни одно мое платье не живет без своей хозяйки. А эта светлая девочка достойна самого лучшего. Она спасла моего брата от бесконечного падения во тьму. И я буду ей благодарна всегда.

Бабуля недовольно кряхтит, но достав платочек, промакивает уголки глаз.

— Ну что вы! Радоваться нужно! — Настя пытается взбодрить бабулю, но та упорно продолжает бухтеть и попивать шампанское. — Платья Майи приносят счастье.

— Мои платья не оберег и не талисман. Но я всегда вкладываю в них все самое лучшее, — вытираю слезинку со щеки Авроры.

— Я вот в платье Майи Новый год отмечала. Так и познакомилась с декабрем! — краснеет, а бабуля недоуменно поднимает взгляд на Настю. — В смысле с мужем! — уточняет и подливает шампанского.

Мои губы невольно растягиваются в улыбке. Знаю я, как она знакомилась с декабрем. Но меня очень греет тот факт, что мое платье помогло ей сблизиться со Святом. Такому медведю, как он, жизненно необходима была девушка, о которой можно заботиться и бесконечно спасать.

Я сшила тысячи нарядов, но помню каждый. Каждый чувствую и точно знаю, для кого он был сшит даже спустя сотни лет.

Были платья — непробиваемая броня. Были платья только для того, чтобы умопомрачительно раздеться. Платья, которым суждено было быть залитыми кофе, испачканными черной икрой и прочей снедью, только для того, чтобы познакомить девушку с ее судьбой.

Были платья, которые так и не выходили в свет, но приносили небывалую уверенность и любовь к себе, даже когда просто примерялись у зеркала.

Когда я сажусь шить, точно знаю, где пригодится мой наряд и что в него нужно добавить. Уверенность, смелость. Силу? А может нежность и застенчивость?

Главное, что я могу дать — это поддержка в важный момент. Собеседование, расставание, первое свидание. Или прощание. Пусть платье будет ярко-желтым. Дедушка не хотел, чтобы умирали от горя, а хотел, чтобы вспоминали с радостью...

В большом зале ЗАГСа становится тесно. Со стороны Авроры гостей немного, а вот половина Любомира заполняет все пространство.

Раньше мы часто встречались все вместе, но сейчас это крайне редкое явление. И пусть Любомир уже не апрель, нового еще не назначили, но все двенадцать месяцев сегодня в этом зале.

Даже вечно недовольный октябрь выполз из своей норы. Август сидит, с улыбкой наблюдая за происходящим, пока сентябрь, очень энергично размахивая руками, ему что-то рассказывает.

Все замолкают, когда в зале появляются молодые.

Сейчас будет мой самый любимый момент. Наблюдать за женихом, за минуту до того невеста скажет заветное "да". Любомир смотрит на Аврору, как мечту, на которую боится дышать, чтобы не спугнуть.

— Сегодня в этом зале мы становимся свидетелями одного из самых светлых и значимых моментов в жизни двух любящих сердец. Момента, когда создается новая семья, — регистратор начинает вещать о вечном.

Я никогда не видела Любомира таким счастливым. В его взгляде — бесконечная любовь, нежность и восхищение Авророй. Кажется, никого, кроме них двоих, и не существует вовсе.

— В этой торжественной обстановке прозвучат важные слова, клятвы, обещания быть рядом — ветер дергает створку окна, врывается в зал прохладой и густым запахом цветущих вишен.

Все оборачиваются на меня, но это точно не моих рук дело. По коже бегут мурашки.

— Сегодня вы делаете выбор: быть вместе, идти одной дорогой, делить все поровну. И счастье, и испытания, — несмотря на прохладный ветер из окна, мне становится душно.

Тело покрывается липким потом и пробивает неконтролируемая дрожь. Голова идет кругом. Происходит что-то нехорошее, но я стою возле молодожен, держу букет невесты, пока они надевают друг другу кольца, и просто не могу сбежать. Нужно немного потерпеть

Время превратилось в каплю, свисающую с листа, не в силах упасть.

— Объявляю вас мужем и...

— Ааа! — не выдерживая, сгибаюсь пополам от острой боли.

На меня набрасывается холод. Так неожиданно, что я захлебываюсь ледяным ветром. Он вспарывает мое платье, проходится лезвием по коже, оставляя полосу кровавой росы на груди.

— Майя, — Любомир подхватывает меня на руки. — Что происходит?

— Платье. Его порвали, — шепчу сквозь боль.

— Это? — ощупывает целую меня, но я отрицательно машу головой. Потом показывает на побледневшую Аврору. Да нет же — Да и черт с ним. Сейчас залатаем. Ты чего такая впечатлительная? — он все еще не может понять, а у меня не получается объяснить.

— Уведи меня отсюда скорее, — все, что могу выдать, когда ко мне подбегает Святогор.

— Майя? — пытается привести меня в чувство в коридоре.

— Это платье. Одно из тех, что я сделала. Девушка, на которой оно сейчас, не просто зацепилась за гвоздь или решила избавиться от ненужного. Ее кажется Там что-то совсем плохое, Свят! Я не могу. Мне нужно туда.

— Не вздумай идти одна... — не успевает договорить, как я уже оказываюсь в темной комнате, пропитанной страхом.

2. Медведь

Когда-то, когда на земле еще абсолютно ничего не знали об электричестве, я стала первой девушкой среди месяцев.

Братья всегда охраняли меня как особую ценность, постоянно забывая о том, что я тоже умею кусаться.

Я прекрасно знаю, что в этом мире постоянно происходят ужасные вещи. Но за сотни лет службы хранителем с моим нарядом такое происходит впервые.

Поэтому без оглядки я бросаюсь через половину страны, не боясь быть замеченной. Мне необходимо, чтобы меня заметили!

— Эй! — окрикиваю мужика, больше похожего на шкаф.

Голос срывается, в горле першит от ярости. Но он так увлечен плачущей девочкой, что на меня совсем не реагирует.

Припечатывает ее к стене и продолжает срывать колготки, несмотря на плач и просьбы остановиться.

Все ее чувства забивают мои собственные. Они впиваются в мои клеточки, вытесняя меня саму. Вместо решимости я ощущаю только, как саднит кожа на содранной коленке и в зажатых над головой запястьях. Как сжимается сердце от боли, страха и невыносимой жалости к себе.

Чужие слезы жгут мои глаза. Мне нужно срочно ее убрать отсюда, иначе я ничем не смогу помочь.

Подхватываю со стола ведро, в котором, судя по всему, недавно стояло шампанское и выплескиваю воду с остатками ледяных осколков прямо на этого медведя.

Он такой огромный, что, кажется, до него даже не сразу доходит, почему он внезапно стал мокрым. Вода стекает по его бычьей шее, пропитывает рубашку.

Сначала он лениво исследует потолок на предмет дождя, потом медленно оборачивается ко мне, отпуская испуганную девочку. Его движения ленивые, как у хищника, который не спешит. Знает, что жертва никуда не денется.

Она сползает по стене на пол, но я успеваю ее отправить к Святу. Теплая волна магии окутывает девочку, и она растворяется в воздухе.

Там ей помогут и позаботятся. Когда я освобожусь, приду и сделаю все, чтобы она забыла этот кошмар, а пока мне есть чем заняться.

Медведя, который попробовал человечину, отпускать на волю больше нельзя.

— Ээээ — пьяно высказывается это двухметровое тело. Перегар бьет в нос даже с расстояния.

— Неужели встает, только когда заставляешь девочек подчиниться? Такой молодой, а уже столько проблем — взмахиваю рукой, зажигая свет в этой темной халупе.

Кожаные диваны, стол, заваленный алкоголем и окурками, шест в центре комнаты Мы явно не в Ленинской библиотеке, но девочка точно была против.

Медведь, сощурившись, пытается разглядеть обстановку и вдруг обнаруживает, что девочка исчезла.

— Ты зачем это Нет. Не то, — бормочет пьяно и активно жестикулирует, будто руками пытается подогнать слова, которые никак не может произнести его рот. Язык заплетается. — Ты КАК это делаешь?

— Руками, — пожимаю плечами и повторяю фокус. Только вместо света, ему в лицо летит букет полевых трав и подсолнухов. Запах лета врывается в затхлое помещение.

Подсолнухи добротнo проезжаются всеми своими шершавыми стеблями.

Ну же. Приди в себя. Наказывать беспомощный овощ, который даже не запомнит урок, крайне бессмысленно. Нетерпение зудит под кожей.

— Ну охуеть волшебница. Илюви Илюзиви — машет рукой, забывая на попытки восстановить внятную речь. — Клоуном в цирке подрабатываешь? — низко смеется так, что у меня его смех отдается вибрацией в груди.

— Хочешь еще фокусов? — спрашиваю, а он, растягивая жуткую улыбку, кивает.

Бросаю в него несколько сотен диких роз. Те, со всей своей яростью, рвут рубашку. Протирают его кожу, оставляя алые царапины.

Но медведю плевать. Он даже не отбивается от цветов. Стоит как скала, и розы осыпаются к его ногам алым ковром.

— Это все, что ты можешь? — усмехается и наступает.

Тяжелые шаги сотрясают пол.

Половицы скрипят под его весом, и с каждым шагом воздух становится гуще, труднее дышать.

Инстинкты вопят "Беги!", но я стою на месте, сжимая кулаки так, что ногти впиваются в ладони.

3. Похмелье

Пигалица коварно двоится, и я понятия не имею, в какую именно нужно мне целиться.

Пытаясь сфокусироваться. Во рту словно кошки нассали, язык прилипает к нёбу. И судя по тому, как штормит попытка схватить нахалку у меня только одна.

А поймать ее необходимо. Так отхлестать меня веником Волшебница, блять. Сейчас я покажу тебе свой любимый фокус.

Варан тоже придурок Просил же бывалую, послушную, а не кнопку с испуганными глазами. Ну хоть боевая. И то хлеб.

— Ну что? Покидалась цветочками и все? Пора, пора порадова-а-ать папочкину шпагу, — сам ржу над своей же шуткой. Выдергиваю ремень из брюк. Кожа скользит через шлевки с характерным свистом.

Девушка почему-то не хохочет и не торопится раздеваться. Да что с этими бабами сегодня не так?! Хороший же вечер

Замахиваюсь ремнем, чтобы выбить уже хоть какие-то эмоции из девчонки, но промахиваюсь и сбиваю со стола бутылку.

Стекло разбивается. Осколки разлетаются во все стороны. Я чертовски пьян, алкоголь врубил Анастасию на полную, но все равно чувствую острую боль от порезов.

Это уже не царапины от цветов. Мое тело начинает гореть, словно от шрапнели. Кожа пульсирует в десятках мест одновременно.

Слепо пялюсь на свои руки. Как такое возможно? Под белой рубашкой начинают проступать пятна крови. Они расползаются, как чернильные кляксы.

— Какого — сдираю пуговицы на манжетах,

Из кожи торчит короткий зеленый стебелек. Прямо из предплечья, как будто проткнул руку насквозь. Это что за заноза такая?! Она меня веником своим так наштиговала, что ли?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.